

ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В Н

ИЗДАТ

“А”

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КРИЗИС ВЕРХОВ В РОССИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. С. Дякин

В ряду условий, которые подготовляют революцию, В. И. Ленин отводил важное место кризису верхов, невозможности «для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство»¹, жить и управлять по-старому. Советские историки многое сделали для изучения разных сторон кризиса верховной власти в России в годы первой мировой войны: военных поражений царизма, развала экономики, роста революционного движения². О том, что конкретно происходило в аристократических и высших бюрократических кругах страны в конце 1916 — начале 1917 г., о разбродах и сумятице, порожденных войной и иными факторами, о действиях посителей верховной власти и их ближайшего окружения рассказывается в данном очерке³.

Придворная камарилья, вышедшая бюрократия и «большой свет» (за этими словами часто стояли одни и те же имена) вместе с императорской фамилией составляли правящие верхи царской России. Иногда, сделав удачную карьеру, сановную бюрократию пополняли выходцы из буржуазных кругов. Близкими к царской семье становились порою безродные проходимцы вроде Г. Распутина. Но в целом страну правили дворянско-помещики, и Николай II считал себя первым среди них. Приспособленная прежде всего для дворянских нужд, царская государственная машина давно уже работала с перебоями. Переживший свое время, царизм заживо гнил. Революция 1905—1907 гг. нанесла ему первый сильный удар. Накануне первой мировой войны характерные черты российской действительности — экономическая отсталость, нерешенность аграрного вопроса, несоответствие общества полуфеодального политического строя капиталистическим отношениям в стране, все то, что, по выражению Ленина, «принерло к степени»⁴ царизм уже к началу ХХ в., — стали еще зримее. А война тем дальше, тем больше усиливала в рабочем классе «ненависть к своему правительству и к своей буржуазии»⁵. Бессмыслица и ненужность войны для народных масс, огромные жертвы на фронте, голод, усиление эксплуатации трудящихся, вакханалия «темных сил» в верхах, «пир во время чумы» старых и новых миллионеров, открыто грабивших Россию под флагом патриотических лозунгов, — все это обостряло обстановку. Во главе революционных выступлений рабочего класса, крестьян, солдат стояла большевистская партия. Ленинцы призывали к превращению им-

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 218.

² См. Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М. 1979.

³ Разложение верховной власти — это не причина кризиса режима, а одно из его проявлений. Такая оговорка необходима, ибо на страницах некоторых литературных произведений и на книжном рынке читатели и знатоки порою встречаются с неверным изображением жизни и быта членов семьи последних Романовых и их окружения. Несомненно, что литература и искусство вполне обращаться к любым сторонам исторического прошлого. Однако следует иметь в виду, что отдельным авторам при этом изменяют художественный вкус и историческое чутье. Избежность краха царизма, предопределенная всем ходом исторического развития России, многими десятилетиями освободительной борьбы трудовых масс, расплатившей и свергнувшей романовскую монархию, в таких работах иногда засполняется сценами сомнительного свойства, описанием похождений Распутина и ему подобных.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 10, с. 225.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 291.

периалистической войны в гражданскую, в войну против самодержавия, помещиков и капиталистов.

К осени 1916 г. было воссоздано Русское бюро ЦК РСДРП, в октябре в Петрограде прошли мощные политические забастовки. Борьба пролетариата сливалась с крестьянским движением и с выступлениями угнетенных народов окраин. Полиция с тревогой отмечала «перелом в настроениях армии в худшую сторону»⁶. «В сравнении с настроением данного момента, — докладывал в октябре 1916 г. начальник московского охранного отделения, — настроение 1905—6 г. несомненно являлось для правительства более благоприятным»⁷. В то время как в массах росло, ширилось и набирало силу нежелание «жить как прежде», «наверху» дописывались последние страницы бесславной истории ромаинской монархии. Правительство Николая II отличалось перед 1917 г. «беспомощностью», «дикой растерянностью», «полней потерей головы»⁸.

Одним из признаков такой «потери головы» была неспособность царской четы и ее ближайшего окружения увидеть надвигавшуюся бурю, разобраться в создавшемся положении. «Мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам»⁹ — эта характеристика начавшейся революции не случайная обмолвка Александры Федоровны. Уезжая 4 декабря 1916 г. в Ставку после бурного натиска думской оппозиции и собственных родственников, добивавшихся отставки последнего царского министра внутренних дел и любимца царицы А. Д. Протопопова и удаления Распутина, Николай II тоже выражал твердую веру, «что самое тяжелое позади и что не будет уж так трудно, как раньше»¹⁰. А Протопопов в те же дни истерически кричал в ответ на предостережения о приближающейся революции: «Нельзя всего бояться, мало ли кто чего боится, я, например, тараканов боюсь, понимаете, тараканов. Так что же из этого?! Следует ли, что тараканы нас заедят?!. В России некому революцию делать, что же Вы думаете, ее думские болтуны сделают?!11. Насчет «думских болтунов» — тоже не случайная фраза. Так думала и Александра Федоровна, еще 25 февраля 1917 г. верившая, что «все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя». Так рассуждал и близкий ко двору Н. А. Маклаков, до конца сохранявший уверенность в том, будто «в низших слоях... совершенно патриархальный взгляд на дело»¹², и потому убеждавший царя, что «внутренняя смута сильна не собой», а «слабостью и нерешительностью власти»¹³. В то, что революционных выступлений «улицы» не произойдет и главная опасность для трона исходит от интеллигенции и узкой группы заговорщиков, верил и один из немногих порядочных министров военных лет гр. П. Н. Игнатьев¹⁴.

В чем же дело? В том, что политическая слепота носителей абсолютной власти, их фаталистическое упрямство суть исторические закономерности, свойственные периодам кризиса абсолютистских режимов. «Именно вследствие сознания или предчувствия того, что всякая коренная реформа политически равнозначаща для него с самоупразднением, абсолютизм... сжигает за собой мосты, не ищет спасительных тропинок, потому что для него всякий шаг вперед даже по обходной тропинке — есть шаг к гибели»¹⁵. Не случайно при дворе больше интересовались настроениями не верноподданного народа, «осчастливленного» в 1913 г. высочайшим путешествием по

⁶ Цит. по: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М. 1964, с. 625.

⁷ Исторический архив, 1960, № 1, с. 24.

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 37, с. 152.

⁹ Переписка Николая и Александры Романовых (далее — Переписка Романовых). Т. V. М.-Л. 1927, с. 218.

¹⁰ Там же, с. 158.

¹¹ Харламов Н. П. Записки бюрократа. Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — РО ГБЛ), ф. 261, карт. 20, д. 5, л. 12.

¹² Падение царского режима. Т. III. Л. 1925, с. 93.

¹³ Маклаков Н. А.— Николаю II 21 декабря 1916 г. (ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1288, лл. 10—11).

¹⁴ Игнатьев П. Н.— Кривошенну А. В. 1 января 1917 г. (ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 34).

¹⁵ Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. Пг. 1924, с. 55.

стране по случаю 300-летия дома Романовых, а в Думе. «Улица» и революционное подполье казались верхам чем-то далеким, несмотря на опыт 1905 года. А вот Столыпин, «заслонявший» Николая II и заигрывавший с «этими ужасными политическими партиями», или Гучков, осмелившийся нападать на «нашего друга» Распутина, — это очень близко. Александра Федоровна по-своему искренне верила, что многое устроилось бы, «если б только можно было повесить Гучкова»¹⁶.

«Наверху» просто не знали, что реально происходит в стране. Знала охранка на местах. Знал департамент полиции. На приведенном выше докладе Московской охранки от октября 1916 г. один из столичных чиновников написал: «Больно осторожно составлен доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены. Дайте указание нач. Моск. Отд. по охр., чтобы особо в этих вопросах не стеснялся, ближе к истине». Когда царским чиновникам бывало нужно (ради сохранения исключительных положений, расширявших и без того огромную власть администрации, или ради дополнительных ассигнований), и губернаторы и охранка готовы были сгустить краски. Но нередко они не спешили осведомлять правительство о «неблагополучии», им же потом ставившемся в вину¹⁷. В последние полтора года существования самодержавия разладилось и прежде не очень гладкое взаимодействие министра внутренних дел и директора департамента полиции. Назначенные в сентябре 1915 г. на эти посты А. Н. Хвостов и С. П. Белецкий, быстро перейдя от союза к вражде, налаживали каждый свою агентуру и не делились друг с другом имеющейся информацией. Такие же отношения сложились у их преемников Б. В. Штурмера и Е. К. Климовича¹⁸. Неуравновешенный и неорганизованный Протопопов не мог найти времени для устных докладов директора департамента полиции¹⁹, а письменных, судя по всему, не читал. К тому же ценность сведений, доставляемых агентурой, упала, сводки ее были «узки» и не содержали ничего, кроме «общих выражений»²⁰. Но Протопопов не сообщал царю даже то, что знал, так как «не хотел передавать ему неприятного», равно как и другим министрам, чтобы «быть более осведомленным», чем они²¹. Черносотенцы от имени несуществующих миллионов своих сторонников заверяли царя в верноподданнических чувствах и тоже создавали у него и его окружения иллюзию массовой поддержки.

При всей своей неосведомленности и неспособности к действиям, выходящим за круг установившихся представлений и привычек, придворная камарилья и высшая бюрократия все же ощущали, что почва колеблется у них под ногами. Армия терпела поражения на фронте. В тылу разваливался транспорт. До Николая и Александры по-рою доходили сведения о «хвостах» в продовольственные магазины. Все настойчивее становились требования буржуазии допустить ее к управлению страной, причем в делях экономики приходилось (как-никак война) идти ей на уступки. Однако полумеры и судорожные усилия наверстать неподготовленность к войне лишь ухудшали положение в стране. К тому же вопрос, как решить ту или иную проблему, все время подменялся в правящих кругах препирательствами о том, кто именно будет ее решать²². В августе 1915 г. под давлением оппозиции были созданы Особые совещания при ряде министерств с участием представителей Думы и буржуазных организаций. Это усилило влияние монополий на распределение военных заказов. Но роль координатора деятельности совещаний была поручена не председателю Совета министров, а военному министру. В результате система подчинения органов, ведавших хозяйственной жизнью страны, получила, подобно императорскому орлу, две головы, глядевшие в разные стороны. На протяжении следующего года образовывались разные совещания министров под председательством то одного, то другого. Подобно крыловским персонажам, как ни усаживались главы ведомств, они не могли справить-

¹⁶ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. 2. Париж. 1933, с. 7; Переписка Романовых. Т. III. М.-Л. 1925, с. 295.

¹⁷ Дневник П. А. Базилевского. — РО ГБЛ, п. IV, д. 1, л. 73.

¹⁸ Падение царского режима. Т. I. Л. 1925, с. 60—61, 73.

¹⁹ Там же, с. 423.

²⁰ Там же. Т. IV. Л. 1925, с. 7; т. V. М.-Л. 1926, с. 264.

²¹ Там же. Т. IV, с. 84.

²² См., изпр., Особые журналы Совета министров 6 и 17 марта 1915 г. (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 85, лл. 32—36; д. 86, лл. 5—9).

ся с экономикой, приходившей в упадок. Власть Совета министров, и без того не очень большая в царской России, таяла; курс правительства определялся вне Совета, а часть его членов, как сетовал недолговременный министр земледелия А. Н. Наумов, вообще не знала, «как высшая политика фабрикуется»²³.

Летом 1916 г. военные потребовали создания в тылу диктатуры «верховного министра государственной обороны», который получил бы полномочия для эффективного вмешательства в экономику. Бюрократические верхи выступили против этой идеи, поскольку при наделении кого-то чрезвычайными полномочиями остальные министры «были бы поставлены в ложное положение»²⁴. Не обрадовали предложения военных и царя. С одной стороны, он признавался в неспособности навести порядок среди собственных сановников. «Если б один из них взял верх, — уныло констатировал он итоги давнишней привычки самодержцев стравливать министров друг с другом, — остальные ему уже не подчинялись бы, или если б и подчинились, то начались бы интриги, и дела не пошли бы гладко»²⁵. С другой стороны, назначить диктатора — значит признать собственную непригодность и поступиться самодержавными амбициями. Поэтому разговор о диктатуре свелся для Николая к поискам «человека, способного быть во главе департамента снабжения»²⁶. Таков был максимум полномочий, которые он соглашался вручить искомому мессии. В конечном итоге «диктатура» вылилась в небольшое расширение власти председателя Совета министров Штурмера, далекой, однако, от объема полномочий реального главы правительства, в создании Комитета по борьбе с дорогоизнаной, которому другие ведомства открыто советовали не совать нос в их дела²⁷, и очередного совещания части членов кабинета. Постановления этого совещания начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев, не стесняясь чужих глаз и ушей, называл «материалом для оклейки окон», а Штурмера и его коллег — «преступниками»²⁸ и «сумасшедшими куклами, которые решительно ничего не понимают»²⁹.

Неспособность царизма предотвратить экономический крах, включая продовольственный кризис, определялась не дефектами конструкции тех или иных органов или отсутствием должного авторитета у лиц, занимавших министерские кресла. Подлинное решение проблемы было возможно только при коренном переустройстве всего общества; следовательно, невозможно ни для царизма, ни для буржуазии, что последняя и продемонстрировала после Февраля 1917 г. Чем острее становилось положение, тем больше Николай II и его окружение теряли способность понимать, что любые меры могут принести результат лишь какое-то время спустя. Царизм искал панацеи от всех недугов, и притом немедленно. Вот одна из причин «министерской чехарды» — бросавшегося в глаза проявления развала верховой власти. За два с половиной года войны на постах председателя Совета министров, обер-прокурора Синода, министров военного, юстиции и земледелия побывало по четыре человека; государственного контролера, министров иностранных дел и просвещения — по три; шесть человек занимали пост министра внутренних дел, и кн. В. М. Волконский, служивший товарищем (заместителем) — В. Д. — у пяти из них, язвил, что около его кабинета впору вешать объявление «По субботам новая программа»³⁰. Смена министра означала, как правило, и перетасовку руководящего персонала министерства. Так, приходя в МВД, Хвостов сменил директоров канцелярии министра и всех основных департаментов, причем главы важнейших из них — общих дел и полиции — менялись им дважды. Штурмер вновь заменил директора департамента общих дел, Протопопов — и общих дел, и полиции, и ряда других³¹. В обстановке постоянной неопределенности положения МВД забыло представить в Думу проведенный в чрезвычайном порядке

²³ Падение царского режима. Т. I, с. 344.

²⁴ Переписка Романовых, Т. IV. М.-Л. 1926, с. 336.

²⁵ Там же, с. 418.

²⁶ Там же.

²⁷ Оболенский Н. Л.—Штурмеру Б. В. 21 сентября 1916 г. (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 15, д. 14, лл. 3—4).

²⁸ Игнатьев П. Н.—Кривошеину А. В. 28 августа 1916 г. (там же), ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 45.

²⁹ Дни, 21.VII.1923.

³⁰ Падение царского режима. Т. VI. М.-Л. 1926 с. 138.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 18, лл. 78—96; д. 36, лл. 1—125.

запрет съездов буржуазно-помещичьих союзов, и запрет формально утратил силу³².

В представлении Николая и Александры «чехарда» выгывалась просто отсутствием «настоящих» людей: «Мы стольких знаем, а когда приходится выбирать министра, нет ни одного человека, годного на такой пост», — писала царица, сетуя, что «нет настоящих джентльменов» и что фавориты один за другим оказываются казнокрадами и взяточниками³³. Но чем больше при подборе высших сановников от них требовалось не просто мириться с существованием Распутина, а «слушаться, доверять и спрашивать совета»³⁴ у него, тем чаще элементарно порядочные «джентльмены» даже из крайне правого лагеря оказывались негожими в министры. Круг «действительно преданных людей»³⁵ становился так узок, что находить мало-мальски подходящих кандидатов оказалось невозможным. Накануне Февраля 1917 г. при всех назначениях (или планах назначения) на высшие посты Николай тасовал замусоленную колоду битых карт, перебирал своих любимцев — Н. А. Маклакова, И. Г. Щегловитова, С. В. Рухлова, которыми он «пожертвовал» в 1915 г. и которыми теперь снова хотел отыграться.

Впрочем, и с новыми людьми царизму везло не больше. В сентябре 1916 г. министром внутренних дел был назначен член Думы октярист Протопопов. Задумано было это не как простая очередная смена главы МДВ: часть «темных сил» вокруг трона искала возможность укрепить позиции монархии не только подавлением недовольных, но и манипулированием. Однако министрам в России не положено было иметь собственную программу. Они могли действовать лишь в той мере, в какой им удавалось убедить царя в личной преданности и получить (на время и не во всем) некоторую свободу рук. Поэтому Протопопов, у которого сначала имелась своя программа, но который для Николая и Александры был прежде всего человеком Распутина, а не членом Думы и доверенным лицом петроградских банков, должен был сразу же отреститься от газетных слухов о его «программе»³⁶, затем же и сам о ней забыл. Психически неуравновешенный, Протопопов как нельзя реалистично олицетворял собой на министерском посту историческую обреченность царизма. Дорвавшись до власти, он вконец развалил министерство и сам признавался потом, что не мог им управлять³⁷. Его коллеги позволяли себе открыто высказывать неуважение к Протопопову, игнорируя устраиваемые им официальные приемы³⁸, отказывая ему в поддержке при столкновении с Думой³⁹ и называя его доклады в Царском Селе фантазиями⁴⁰. «Это сумасшедший дом, а не государственное управление», — писал Игнатьев одному из влиятельнейших деятелей бюрократических верхов А. В. Кривошеину в конце декабря 1916 года⁴¹.

В такой обстановке царские власти не могли справиться уже и с карательными функциями. Аресты руководящих центров революционного подполья не остановили поднимавшийся на борьбу пролетариат, а оппозиции правительство не решалось заткнуть рот. Буржуазная пресса все резче критиковала систему управления страной, обходя цензурные ограничения с помощью понятных всем намеков. То, что не попадало на страницы печати, распространялось иными путями. В светских салонах открыто ругали Александру Федоровну, и она жаловалась, что вся эта фронда остается безнаказанной. Признанием полной утраты авторитета власти звучало внушенное кем-то напоминание Александры Николаю, что черносотенцы, «если их не слушать... возьмут

³² Голицын Н. Д.—Протопопову А. Д. 23 февраля 1917 г. (там же, оп. 13, д. 21, л. 2).

³³ Переписка Романовых. Т. IV, с. 116.

³⁴ Там же. Т. V, с. 160.

³⁵ Там же.

³⁶ Гессен И. В двух веках. Жизненный отчет Архив русской революции. Т. XXII. Берлин. 1937, с. 348.

³⁷ Падение царского режима. Т. I, с. 124.

³⁸ Русское слово. 21.I.1917.

³⁹ См. помету А. Ф. Трепова на письме к нему С. А. Кукаль-Яновольского от 13 декабря 1916 г. (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 7, л. 435).

⁴⁰ Протокол допроса Н. И. Воскобойниковой (ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 477, л. 60).

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 30.

дело в свои руки, чтобы спасти тебя, и может невольно выйти больше вреда»⁴². Фактически в последние месяцы существования режима царское правительство, несмотря на отдельные эффектные жесты, не контролировало события ни в «низах», ни в «верхах» российского общества. Многие из тех представителей придворной камарильи и бюрократии, которые предвидели приближавшийся крах, искали спасения в разгоне Думы и в вооружении черной сотни, некоторые — в сепаратном мире с Германией. Но и в этом тоже проявилось углубление кризиса верхов. Значительная часть дворянских кругов и члены императорской фамилии оказались в лагере пытающихся избежать революции путем каких-либо уступок.

Летом 1915 г. под влиянием поражений на фронте в Думе был создан «Прогрессивный блок» буржуазно-помещичьих партий, потребовавший от царизма создания «правительства доверия» и некоторых умеренных реформ. «Снова, — сравнивал Ленин события 1905 и 1915 гг., — либеральная буржуазия, — на этот раз даже с самыми широкими слоями консервативной буржуазии и помещиков, — выдвигает программу реформ и соглашения с царем»⁴³. Николай отказался идти на уступки. Заседания Думы были прерваны; министры, предлагавшие сговориться с ним, уволены. «Разгон» Думы и удаление с поста обер-прокурора Синода неугодного Распутину бывшего московского предводителя дворянства А. Д. Самарина вызвали недовольство среди дворянской знати, особенно московской.

Конечно, в этой среде не было убежденных сторонников реформ. Зато действовали страх и инстинкт самосохранения. Для настроений высшего санта в сентябрьские дни 1915 г. показательна паника, которая охватила под влиянием забастовки в Петрограде, совпавшей по времени с «разгоном» Думы, жившую в России вдовствующую греческую королеву, царскую родственницу Ольгу Константиновну. З сентября она «примчалась в отчаянии к Павлу (вел. кн. — В. Д.) со словами, что революция уже началась, будет кровопролитие, час всех иrogонят»⁴⁴. Бывшая королева эллинов была не одинока в своем испуге. Жена вел. кн. Павла Александровича Ольга Палей, проткнув письмо под печатью кинжалом, чтобы затем проверить, «читали его или нет в «cabinet поиг» (цензура), кляяла в нем занимавшего в то время пост премьера И. Л. Горемыкина, поскольку он «хочет бороться против неудержимого течения», и сетовала на правительство, которое «положительно принято систему «дразнить собак», забывая, что эти собаки могут в остервенении растерзать все и вся»; в подтверждение она ссылалась на забастовки⁴⁵. Недовольство распуском Думы выражал вел. кн. А. Д. Оболенский, член Государственного совета и обер-прокурор Синода в правительстве Витте. Он писал жене: «Все возмущены образом действия Горемыкина»⁴⁶. Что «Горемыкин окончательно спятил с ума», если «в такую минуту тревоги в государстве» бросает вызов обществу назначением в МВД «известного скандалиста и умыника Хвостова», считал и вел. кн. Л. В. Кочубей⁴⁷.

Горемыкину во всех этих случаях доставалось зря. Он лишь выполнял волю Николая. Но назвать истинного виновника, да еще в письме, язык не поворачивался. Впрочем, не у всех. Член Государственного совета, входящий во дворцы либерал М. А. Стакорич, «не стесняясь... говорил, что «цари — люди обреченные», что цареубийство — не что иное, как вопрос времени»⁴⁸. О желании части московской знати низложить Николая говорил Ольге Палей французский посол М. Палеолог⁴⁹. Про оппозиционные настроения части дворянства докладывал Горемыкину Хвостов. Его особенно беспокоил интерес к этим настроениям кадетов, видевших в таком недовольстве свиде-

⁴² Переписка Романовых. Т. V, с. 190.

⁴³ Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 26.

⁴⁴ Переписка Романовых. Т. III, с. 301, 311.

⁴⁵ Палей О. В.— Павлу Александровичу 9 октября 1915 г. (ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 151, лл. 20—21).

⁴⁶ Оболенский А. Д.— Оболенской А. А. 4 сентября 1915 г. (ЦГИА СССР, ф. 1650, оп. 1, д. 239, л. 55).

⁴⁷ Кочубей Л. В.— Кочубей В. В. 5 октября 1915 г. (там же, ф. 971, оп. 1, д. 59, лл. 56—59).

⁴⁸ Палей О. В.— Павлу Александровичу 9 октября 1915 г. (ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 151, л. 20).

⁴⁹ Палей О. В.— Павлу Александровичу 3 октября 1915 г. (там же, л. 5).

тельство того, что «главный оплот династии и правительства поколеблен». Если Хвостов писал при этом о «молодой» группе дворян, желавших «предъявлять правительству требования»⁵⁰, то Палей бухала в колокол, не глянув в святыи: «Московское дворянство, Самарины, Тютчевы и др., стало очагом революции»⁵¹.

Осенью 1915 г. дальше испуга и брюзжания дело, правда, не пошло. Но год спустя положение в стране стало еще хуже, а надежды на то, что царь и его министры могут его улучшить, не оправдались. В июне 1916 г. царь отклонил совет генерала Алексеева создать столь же желательное оппозиции «правительство доверия», а в июле, словно в пику непрошеным советчикам, вновь перетасовал кабинет, превратив его в заведомое «правительство недоверия», в котором влияние распутинской группы, как называли Штюрмера и К°, стало еще большим. Особенно обозлило оппозицию то, что премьер Штюрмер взял себе и портфель министра иностранных дел вместо уволенного С. Д. Сазонова: немецкая фамилия мало подходила для заведования иностранными делами во время войны с Германией. Это понимал даже Распутин, считавший, что «старишка совсем с ума сошел»⁵². Кроме того, Штюрмера (может быть, не без оснований) подозревали в склонности искать сепаратного мира. Оппозиция устроила Сазонову демонстративно шумные проводы, а вел. кн. Николай Михайлович позволил себе написать своему миропомазанному племяннику: «Не знаю, по каким мотивам ты уволил Сазонова, но вот что получилось. Почти вся пресса (кроме «Нового времени» и «Землицы») сделала из Сазончика великого человека и своего рода сверхпатриота... Это я считаю весьма опасным симитомом... Едва ли желательно, чтобы после нескольких лет кровопролития произошел бы разлад между правительством и обществом»⁵³. Не решившись ничего сказать вениеносному брату, излил недовольство в письме к жене вел. кн. Михаил Александрович: «Нас здесь очень удивила министерская перетасовка, которая произошла на этих днях. Я мало знал Сазонова, но так по всему видно было, что он пользовался доверием (хотя тип у него еврейский), ну а теперь со Штюрмером, я боюсь, дело будет дрянь, мне так кажется, что этот человек способен на все — и ваш, и наш, и без всяких убеждений и идей. Наверное и ты со мной согласна, что Штюрмер такой человек; что за неудачные люди выбираются на такие ответственные посты, просто ужас, что такое»⁵⁴. О «тягостном впечатлении» от удаления Сазонова писала и Палей⁵⁵.

Вызвал тревогу и указ об очередном призывае новобранцев к 15 июня, в самый разгар полевых работ. Палей, работавшая, как это было модно в ее кругу, на благотворительном складе и приносившая оттуда самые свежие новости («Имей в виду, — предупреждала она мужа, — что все, всегда знается здесь и гречко сообщается в складе — часто такие вещи, которые ты пишешь под строжайшим секретом»)⁵⁶, передавала, что на совещании у военного министра «Стишицкий, архиправый, встал и сказал: «Тот, кто посоветовал этот указ, — или изменник, или дурак» (намек на вездесущего Штюрмера)»⁵⁷.

Боязнь, что политика Николая и Александры приведет к краху режима, тревога за собственное будущее толкали «большой свет» к действиям, хотя они царю плохо представляли себе, что происходит на деле. Поскольку «Прогрессивный блок» и оппозиционные Земский и Городской союзы заявляли, будто говорят от имени страны, верхи полагали, что успокоить оппозицию — значит успокоить Россию. Еще недавно

⁵⁰ Хвостов А. Н.—Горемыкину И. Л. 2 и 8 ноября 1915 г. (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 167, лл. 54—56, 59—60).

⁵¹ Палей О. В.—Павлу Александровичу 9 октября 1915 г. (ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 151, л. 22).

⁵² Падение царского режима. Т. II. Л.-М. 1925, с. 52.

⁵³ Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. Л.-М. 1925, с. 78.

⁵⁴ Михаил Александрович—Брасовой Н. С. 20 июля 1916 г. (ЦГАОР СССР, ф. 622, оп. 1, д. 122, лл. 19—20).

⁵⁵ Палей О. В.—Павлу Александровичу 12 июля 1916 г. (там же, ф. 644, оп. 1, д. 152, л. 52).

⁵⁶ Палей О. В.—Павлу Александровичу 25 июня 1916 г. (там же, л. 30).

⁵⁷ Палей О. В.—Павлу Александровичу 12 июля 1916 г. (там же, л. 53). А. С. Стишицкий — член Государственного совета, бывший главноуправляющий землемерием в 1906 г. Интересно, знал ли Милюков о словах Стишицкого, когда в речи 1 ноября 1916 г. спрашивал, имея в виду политику Штюрмера: «Что это — глупость или измена?»

кадеты казались многим из консерваторов, начинавших теперь с некоторой надеждой отглядываться в их сторону, чуть ли не революционерами. Да и в середине 1916 г. многое из того, о чем говорили кадеты, дворянские фронтеры принять не могли. Однако кадеты сами искали союза с дворянством и ради этого отказывались от ряда своих былых лозунгов; к тому же, как надеялись дворяне, после можно кадетов и обмануть, лишь бы «пронесло». Да и не все же в оппозиции — кадеты. Разве так уж не проходила прощальна между Самаринами и Тютчевыми, верноподданно-правыми, взвывшими только во время мировой войны, и их давним знакомым «либералом» Стаковичем? Или между ними и главой Земского союза кн. Г. Е. Львовым, который даже в Феврале 1917-го видел в происходящем лишь «роковые недоразумения между властью и Россией» и «бессовское наваждение»?⁵⁸ Тысячи родственных и дружеских интим всегда связывали российскую либеральную оппозицию с «большим светом» и бюрократией, а через них — с членами царской фамилии. Теперь это использовалось для сотрудничества во имя общей цели правящих классов — предотвратить надвигавшуюся революцию. В качестве первых шагов намечалось отстранить от власти Штурмера, удалить от трона Распутина, ослабить влияние Александры Федоровны.

Методы оппозиции — речи в Думе, газетная шумиха — это не для Самариных. Они привыкли (и именно в этом их ценность для либеральных лидеров) к закулисным воздействиям на власть. Но прежние пути влияния через салоны и придворное окружение оказались почти перекрытыми. Николай II либо сидел в Ставке, либо ненадолго приезжал в Царское Село, где его опекала царица. Попытки повлиять на Николая через генерала Алексеева, предпринимаемые «Прогрессивным блоком», оказались безрезультатными. Кроме того, до войны великосветские салоны поддерживали реакционный курс. Ныне же им приходилось выступать не только против Распутина, но и против Александры. Вот почему даже самые именитые предпочитали действовать не напрямую, а через царскую родню.

Один из путей, которым пробовал идти «большой свет», вел в Киев, где поселилась, не желая часто встречаться с «молодой царицей», императрица-мать Мария Федоровна. Там же подолгу жили ее дочери Ксения с мужем вел. кн. Александром Михайловичем и Ольга. До мировой войны Мария Федоровна пользовалась большим влиянием на сына. В марте 1911 г. она, например, помогла удержаться Столыпину. Нанести визит вдовствующей императрице — долг вежливости. В 1915—1916 гг. «вежливыми» оказывались именно те, кто был не очень в ладах с Царским Селом. Чаще других приезжал А. В. Кривошеин, когда-то «серый кардинал», чья карьера оборвалась в 1915 г. из-за данного царю совета говориться с «Прогрессивным блоком». Бывали близкие к Кривошеину гр. П. Н. Игнатьев (министр просвещения) и кн. Н. Д. Щербатов (педагогический глава МВД летом 1915 г.). Заезжали члены Государственного совета Н. П. Балашов и П. М. Кауфман (представитель Красного Креста при Ставке). Вскоре после поездки в Киев Кауфман заговорил с Николаем об опасности влияния Распутина и Александры на государственные дела, после чего сразу был выдворен из Ставки. Естественно, когда у старой царицы появились генералы Н. И. Иванов и А. А. Брусилов, которые в разное время командовали Юго-Западным фронтом и часто приезжали в Киев. Но что привело к ней ген. Н. В. Рузского? Других военных с Северного и Западного фронтов ее камер-фурьерский журнал не зафиксировал.⁵⁹

14 сентября 1916 г. Мария Федоровна отмечала 50-летие своего приезда в Россию. Отмечала скромно, с поздравлениями явились только представители местных властей. Но через три дня прибыла депутация «Общедворянской организации помощи раненым и больным воинам» во главе с А. Д. Самарином. Идею послать депутатацию подал Самарину член Государственного совета, бывший министр кн. Б. А. Васильчиков. А Самарин условился, что в тот же день приветственные телеграммы пришли Земский и Городской союзы⁶⁰. В 1914 г. «Общедворянская организация» для

⁵⁸ Львов Г. Е.— Николаю Михайловичу (между 1 ноября 1916 г. и 15 февраля 1917 г.) (там же, ф. 670, оп. 1, д. 335, лл. 1—2, 5—6).

⁵⁹ ЦГИА СССР ф. 516, оп. 1, 241 (2870, л. 1). (камер-фурьерский журнал Марии Федоровны в Киеве. 1916 г.).

⁶⁰ Самарин А. Д.— Васильчикову Б. А. 15 сентября 1916 г. (ЦГАОР СССР, ф. 651, оп. 1, д. 1000, лл. 1—2).

того и создавалась, чтобы не иметь дела с Земским и Городским союзами. Теперь их пути сошлись. Если бы поздравлений пришло много, они не имели бы политического смысла. Когда больше не поздравил никто, это выглядело как тихая демонстрация. Мария Федоровна явно пыталась играть роль в мыслью воине великосветской оппозиции. Слишком уж совпадали по времени визиты к ней наиболее активных из великих князей с их «оппозиционными» выступлениями перед царем. Не зря Александра призывала Николая не обращать внимания на письма «дорогой матушки» и не принимать их близко к сердцу, поскольку «за ее спиной стоят the Micheles»⁶¹ — Александр и Николай Михайловичи и их братья.

Николай Михайлович слыл либералом. Как и другие родственники царя, он с беспокойством смотрел на происходившее. «Нет ни определенной власти, ни тени какой либо программы, ни желания понять действительную обстановку и положение России в настоящие тревожные дни», — писал он еще в апреле 1916 года⁶². Круг его знакомых был широк и включал кое-кого из лидеров оппозиции. Но вплоть до лета 1916 г. он преимущественно растирал недоверие царя к бывшему верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу (старая вражда «Николаевичей» и «Михайловичей»), а в ответ на призывы активистов участвовать в делах «на пользу общую» просил оставить его в покое, хотя тут же намекал, что предвидит ситуацию, когда «обстоятельства меня заставят вынырнуть из моего уединения, чтобы спасать заблудившихся в непролазной тиши»⁶³. В сентябре 1916 г. время «спасать» пришло, и Николай Михайлович отправился в Киев. Ехал он не лично от себя. В дневнике барона Н. А. Врангеля (адъютанта вел. кн. Михаила Александровича) есть запись от 8 ноября 1916 г.: барон пересказывает разговор с кн. Волконским. Тот говорил об отчаянном положении, засилье Распутина, панической Петроградского гарнизона: «Положение могло бы быть спасено выступлением всей императорской семьи, и с согрехом заявившей государю об опасности, о необходимости уступить общественному мнению. Прежде это могли бы сделать старейшие государственные люди: Воронцов, Пален, Столыпин и т. п. или коллегия иерархов. Теперь их нет. Искали, кто из вел. князей мог бы взять на себя руководящую роль. Михаил Александрович болен, схать не может. Остановились на вел. кн. Николае Михайловиче, несмотря на низкий нравственный центр»⁶⁴. После этой записи следует пересказ разговора с другим человеком. По-видимому, Волконский задним числом информировал Михаила и его адъютанта о сделанном. Поисками подходящего руководителя занималась не только царская родня, иначе не шло бы речи о покойных бюрократах и не Волконский сообщил бы о поисках Михаилу. А имя Волконского ведет за собой многих других: он был своим человеком и при дворе («Волдей» для Александры Федоровны), и в бюрократических сферах (давний союзник Кривошеина по интригам), и в Думе (много лет товарищ ее председателя).

Итак, в верхах существовал некий круг испуганных и недовольных, которые осенью 1916 г. сочли, что пришла пора вмешаться в события, пока не поздно. Болезненная, хотя и не лишенная оснований подозрительность Александры Федоровны включала в этот круг А. В. Кривошеина, кн. В. М. Волконского, гр. П. И. Игнатьева, П. М. Кауфмана, Н. П. Балашова, кн. Б. А. Васильчикова, А. А. Макарова, А. Ф. Трапезова, С. И. Тютчеву, кн. А. И. Оболенскую, многих других. По ее сведениям, Николай Михайлович, Балашов и Васильчиков действовали заодно в сверхаристократическом Яхтклубе⁶⁵. Сразу оговоримся, что никакого организационного центра, который возглавлял бы великосветскую оппозицию, не существовало. В том кругу были неспособны на его создание, да и не нуждались в нем. Но какие-то разговоры перед поездкой Николая Михайловича в Киев были. Одновременно с ним в Киеве оказалась жена вел. кн. Кирилла Владимировича Виктория. 26 ноября она, единственная из всей семьи, попыталась поговорить о необходимости уступок с Александрой Федоровной и услы-

⁶¹ Переписка Романовых. Т. V, с. 156.

⁶² Николай Михайлович — Клопову А. А. 7 апреля 1916 г. (ЦГАОР СССР, ф. 670, оп. 1, д. 137, л. 1).

⁶³ Там же, л. 2.

⁶⁴ Дневник Н. А. Врангеля (ЦГИА СССР, ф. 920, оп. 1, д. 55, л. 18).

⁶⁵ Переписка Романовых. Т. V, с. 155.

шала в ответ, что против режима выступает лишь «петроградская кучка аристократов, играющая в бридж и ничего не понимающая»⁶⁶.

Содержание киевских разговоров восстанавливается по последовавшим событиям. 1 ноября должна была открыться очередная сессия Думы. В тот день, как было известно и охранке, и высшему свету, «Прогрессивный блок» собирался начать кампанию против Штюремера и Протопопова, добиваясь создания «правительства доверия». К этому же дню решено было приурочить и пажим на царя со стороны членов императорской фамилии. Об этом уже писалось⁶⁷. 1 ноября Николай Михайлович приехал в Ставку и привез царю подготовленное заранее письмо, в котором уговаривал освободиться от влияния «темных сил», действующих через Александру, и согласиться на формирование правительства, ответственного перед Думой. От своего имени и от имени матери и сестер Николая он предупреждал: «Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше — накануне эры покушений». Мастер закулисных интриг, Николай Михайлович не рвался действовать с открытым забралом и в разговоре не упомянул имени Александры, а письмо отдал Николаю «довольно неохотно»⁶⁸. Письмо сходного содержания приспал Георгий Михайлович. Кирилл Владимирович и Николай Николаевич в конце октября — начале ноября тоже приезжали в Ставку. Одновременно готовилась аудиенция для межкого чиновника А. А. Клонова, подсчитывавшего «Михайловичами» царю и получившего право прямой переписки с ним. Готовил аудиенцию генерал Алексеев, посредничал между ним и Клоновым кн. Львов. Текст письма с рекомендацией составить правительство из людей, «способных опираться на большинство Думы», которое Елопов должен был отдать царю, редактировал Николай Михайлович. Готовясь к аудиенции, Клонов побывал у Марии Федоровны⁶⁹, куда в те дни приехали Павел Александрович и мать Кирилла Мария Навловна. Клонову велено было находиться наготове в Петрограде 1 ноября. Инициативы сплетались в один клубок: действия «Прогрессивного блока» и планы членов императорской фамилии явно координировались.

В первую декаду ноября на царя завили с двух сторон. Что никакого ответственного министерства он не дает, стало ясно сразу. Но Александра отстаивала и Штюремер с Протопоповым, предупреждая: «Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих»⁷⁰. С моментом, когда в Петрограде прошел слух, что Штюремер остается, сошли с встречи Волконского с Врангелем и включение в игру Михаила Александровича. Родной брат царя Михаил из-за самовольного мезальяна вынужден был прожить несколько лет в Англии в опале, которая была с него снята только во время мировой войны. Человек здоровья не крепкого и ума не выдающегося, он не слишком интересовался политикой, что до поры помогало ему сохранять оптимизм и верить, будто в России еще «все можно со временем наладить, потому что у нас всего много»⁷¹. К 1917 г. он пригляделся, «как все делается», и «превратился в пессимиста»⁷². То ли из-за слабости здоровья и частого его отсутствия в Петрограде, то ли из-за положений царского брата, Михаила долго не привлекали к разговорам о положении в стране. 5 ноября с явным чувством новизны Врангель «подробно доложил вел. князю политическое положение, скандалы в Думе, негодование против «старца» Григория Новых (Распутина). «Пришли к заключению, — продолжал Врангель в дневнике, — что, согласно общей воле решительно всех, этого негодия следует убрать. В. князь в шутку предлагал мне поговорить с ним тотчас на моторе — и покончить с ним. Говоря серьезно, в. князь хочет написать государю. Но я отсоветовал — лучше поговорить на словах в Ставке, когда

⁶⁶ Русские ведомости, 10.III.1917.

⁶⁷ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917. Л. 1967, с. 244—246; Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма. Душанбе. 1975, с. 47—50.

⁶⁸ Переписка Романовых. Т. V, с. 134.

⁶⁹ Клонов А. А.—Львову Г. Е. 24 октября 1916 г. (ЦГИА СССР, ф. 12564, оп. 1, д. 73, л. 287).

⁷⁰ Переписка Романовых. Т. V, с. 153.

⁷¹ Михаил Александрович — Брасовой Н. С. 20 марта 1916 г. (ЦГАОР СССР, ф. 622, оп. 1, д. 121, л. 43).

⁷² Михаил Александрович — Брасовой Н. С. 27 января 1917 г. (там же, д. 122, лл. 78—79).

он поправится»⁷³. 8-го Врангель разговаривал с Волконским. 9-го состоялась встреча Волконского с Михаилом, и тот вернулся к мысли о письме. Оно было отправлено 11-го, когда отставка Штирмера была уже решена, но все остальное не изменилось.

Письмо «дорогому Ники» началось с выражения надежды, что «ты верно поймешь мои побуждения и простишь мне кажущееся вмешательство в то, что до меня в сущности не касается»⁷⁴. Михаил не переоценивал себя. «Я не умею,— признавался он,— письменно выражать мои мысли, да и не только письменно, даже в разговоре»⁷⁵. Гладко и продуманно составленное послание к Николаю было написано Врангелем и отредактировано Волконским, по телефону консультирувшимся при этом с одним из кадетских лидеров В. А. Маклаковым⁷⁶. Поэтому его содержание нам вполне понятно. Предупреждения, «что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу», совет не идти «на конфликт с представительным строем» и удалить «наиболее ненавистных лиц» — вот платформа, на которой осенью 1916 г. сошлись либеральная оппозиция и ее недавние противники из дворянских кругов. Однако написать венценосному брату «Мы стоим на вулкане» — значит вмешаться именно в то, что «меня в сущности не касается»! Тремя неделями позже Александра Федоровна будет негодовать по поводу письма Н. П. Балашова царю (оно не сохранилось, но речь, видимо, шла о том же): «У него такое высокое придворное звание, и он смешает писать, когда его о том не просят!»⁷⁷.

Ноябрьский «штурм власти» закончился ничем. И либералы, и «большой свет» стали перед выбором: как действовать дальше? Министерство затевало заговоры, большинство продолжало уговаривать царя; либералы — речами и резолюциями, великосветские фрондеры — приватным образом, хотя и не без демонстраций. В конце ноября резолюции против «темных сил» приняли Государственный совет и даже съезд объединенного дворянства. Настроения высшего света были такими, что, когда кн. А. Д. Голицын произнес в Государственном совете оппозиционную речь, многие, перепутав, сочли способным на нее даже ближайшего сотрудника Александры Федоровны кн. Н. Д. Голицына и именно его «поздравляли с этой речью»⁷⁸. В те же дни с письмами-предостережениями обратились к царю Балашов, а к Александре — жена кн. Васильчикова. Добитьсянаказания Балашова и Голицына Александра не смогла, но С. Н. Васильчикова была выслана в новгородское имение. За ее высылкой последовал один из наиболее беспых, но как раз тем и характерный, эпизодов великосветской фронды — дамский протест. «В Петрограде,— писала опальный гостре А. Н. Голицына,— поднял вопрос писать собирательное письмо к имп. А. Ф. в виде протesta против твоей ссылки». «Мэри» Балашова, жена Н. Н. Балашова, лидера правых националистов в Думе и сына вышеназванного Н. П. Балашова, написала письмо «политического содержания без упоминания о тебе, но с требованием ответственного министерства, удаления течных газ. и т. д.». Граф Игнатьев советовал воздержаться от нового выступления, которое «только ухудшит настроение, т. к. это все будет, как красная тряпка перед глазами разъяренного быка»⁷⁹. Тем не менее было решено собирать подписи, причем предварительно «злополучное письмо» Васильчиковой было показано (значит, копии имелись) посредившей на придворном этикете священнице Балашова-отца, вдове бывшего министра двора гр. Е. А. Воронцовой-Дашковой, и та не нашла в нем «ничего оскорбительного»⁸⁰. После этого коллективное письмо исчез-

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 920, оп. 1, д. 54, л. 440.

⁷⁴ Михаил Александрович — Николаю II 11 ноября 1916 г. (ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1301, л. 156).

⁷⁵ Михаил Александрович — Брасовой Н. С. 27 марта 1916 г. (там же, ф. 622, оп. 1, д. 121, л. 46).

⁷⁶ Дневник Н. А. Врангеля (ЦГИА СССР, ф. 920, оп. 1, д. 54, лл. 443—445).

⁷⁷ Переписка Ромаковых. Т. V. с. 155—156.

⁷⁸ Там же, с. 169.

⁷⁹ Голицына А. Н.— Васильчиковой С. Н. 7 декабря 1916 г. (ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 1063, л. 255).

⁸⁰ Игнатьев П. Н.— Кривошенну А. В. 23 декабря 1916 г. (там же, ф. 1371, оп. 1, д. 274, л. 31).

ло; по мнению Голицыной, «попало, видимо, в руки полиции»; а по Петрограду пошли слухи, как «дамы собрали 200 подписей в знак солидарности и лист потеряли»⁸¹.

На почве страха перед грядущим крушением режима разыгрывались не только комедии. В ночь на 17 декабря был убит Распутин. Его убийцы — вел. кн. Дмитрий Павлович, женатый на племяннице Николая, кн. Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон и черносотенец В. М. Нуришевич — все еще верили в то, что, устранив Распутина, можно предотвратить революцию. Так считали не только они. В отправленном с оказией и потому откровенном письме Игнатьев рассказывал Кривошенну: «На моем докладе (21 декабря царю. В. Д.) я назвал это так: «это ужасное преступление, быть может, проявление милости божьей... меня перебили — воли божьей... нет, «милости», повторил я, выражившейся в предотвращении большей беды и еще возможности теперь ее предотвратить»⁸². Убийство Распутина было очередным доказательством глубины кризиса царизма, побуждавшего его же защитников использовать такие методы действия. Оно рождало мысль, что устранение «старца» есть лишь начало «террора в верхних слоях и от представителей армии». «Первый акт совершен — так пойдет и дальше»⁸³ — этот вывод Игнатьева приходил в голову многим лицам в правящих верхах и в среде буржуазно-помещичьей оппозиции. «Кто следующий?» — вопрошала в своем дневнике видная кадетская деятельница А. В. Тыркова⁸⁴.

Сожаление о том, что «молодые люди» «не докончили начатого истребления», высказывал Николай Михайлович, считавший себя инициатором совершенного⁸⁵. Но ни в «верхних слоях», ни в армии не нашлось исполнителей для новых актов террора, а подавляющее большинство либеральных лидеров откровенно боялось каких-либо заговоров, опасаясь этим «толкнуть страну на путь революции»⁸⁶. Да, разговоры о перевороте шли и в петроградских салонах, и среди политических деятелей. Но даже организатор одного из наиболее далеко зашедших заговоров лидер октябристов А. И. Гучков признавался потом, что сделано было «мало для реального осуществления»⁸⁷. Французский посол М. Палеолог в воспоминаниях, написанных для пущей убедительности в виде дневника, но недостоверных, изображал дело так, будто в конце декабря 1916 г. на совещании великих князей во дворце Марии Павловны подготавлялось чуть ли не убийство Александры или Николая⁸⁸. В действительности речь шла о письме царю в защиту Дмитрия Павловича, высыпаемого за убийство Распутина в Иркутск⁸⁹. Николай Михайлович попробовал было продолжать разговоры в клубе, широко афишируя это письмо и посыпая Александру, но в ночь под Новый год был выслан в свое имение.

Дворянско-бюрократические круги все теснее смыкались с правым крылом думской оппозиции и согласовывали с ним свои действия. По утверждениям охранки, после высылки Николая Михайловича аристократическая оппозиция группировалась в салонах гр. И. И. Шерemetевой (дочери Воронцова-Дашкова и жены ближайшего адъютанта и друга детства царя) и Лазаревой (тетки Юсупова и родственницы председателя Думы М. В. Родзянко). Салоны посещали гвардейские офицеры, и это породило слухи о «чуть ли не декабристских кружках», в которые охранка не верила. По ее сведениям, Родзянко посоветовал Шерemetевой воздействовать на офицеров в надежде, что, увидев их оппозиционные настроения, царь «сам сошумеет дарует начала подлинного представительного строя и спасет Россию от кровавой революции»⁹⁰. С конца декабря действия этих кругов становились все более демонстративными. Отказываясь служить вместе с Протопоповым, подали в отставку гр. Игнатьев, а также

⁸¹ Дневник А. В. Тырковой (ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 6).

⁸² Игнатьев П. Н.—Кривошенну А. В. 23 декабря 1916 г. (ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 31).

⁸³ Игнатьев П. Н.—Кривошенну А. В. 1 января 1917 г. (там же, л. 34).

⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 9.

⁸⁵ Записки Н. М. Романова.—Красный архив, 1931, № 6(49), с. 102—103.

⁸⁶ Записка Петроградского охранного отделения 12 января 1917 г. В кн.: Буржуазия накануне Февральской революции. М. 1927, с. 178.

⁸⁷ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1931, с. 149.

⁸⁸ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Н. 1923, с. 294—297.

⁸⁹ Красный архив, 1928, № 1(26), с. 191—192.

⁹⁰ Информационные записки 21 и 28 января 1917 г. (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 9, лл. 60—63); Былое, 1918, № 7, с. 111—114.

А. Ф. Трепов и Н. Н. Покровский (унаследовавшие от Штурмера посты премьера и министра иностранных дел). Ушли из МВД товарищи министра Волконский и В. А. Бальц. Военный и морской министры говорили, что «лишь военная прислуга не позволяет им уйти»⁹¹. После отставки Волконский был демонстративно избран петроградским предводителем дворянства. Столь же демонстративно новгородские дворяне предложили быть их предводителем Васильчикову⁹².

Ряд дворянских собраний принял резолюции с требованием изменить состав правительства. Больше всего шума наделало симбирское собрание, потребовавшее исключить Протопопова из дворянского сословия. «Смыкненное ли в России дело,— восторгался член Государственного совета гр. Д. А. Олефьев,— чтобы министр, в руках которого все внутреннее управление страны, ближайшее лицо, фаворит, был извергаем из дворянского общения (с ограничением прав быть избираемым и т. д.). Вот как осмелели люди в России. Мне кажется, это должно заставить задуматься. Инициатором всей симбирской истории явился наш С. П. Дурасов, поддержаный «дворянином» Навловым, саратовск. губ. предвод. Ознобининым (который одновременно симбирский дворянин) и друг., т. е. все «зубрами». Сирашивается, какой же еще лагерь остается в России «за», когда все — «против». Тот же Олефьев передавал, что на Кавказе, где наместником сидел Николай Николаевич, «высший мужской персонал очень сдержан в разговорах о политике, но высшие дамы критикуют вовсю»⁹³.

Однако, перенимая у оппозиции способы выражения недовольства и объединяясь с нею в отдельных выступлениях, сановные фронтеры до конца смотрели на либералов как на нечто чуждое им, а на либеральные лозунги — как на чужие. Под ногами великосветски-бюрократического мира должна была развернуться пропасть, чтобы «Мэри» Балашова бросилась собирать подписи, хотя и в своем кругу, под требованием «ответственного министерства». Глазам Волконского и Васильчикова должны были предстать апокалиптические видения, чтобы они позволили себе критику режима, хотя и в своем клубе. Тысячи интей связывали «большой свет» и бюрократию с либеральной оппозицией, но то были личные связи. Перед Рюриковичем кн. П. Д. Долгоруковым открылись двери домов и Самарина, и Васильчика, хотя Долгоруков — председатель ЦК кадетской партии; но с партией кадетов Самарин и Васильчиков дела иметь не стали. Еще до войны Кривошеин призывал покончить с разделением на «мы» и «они», правительство и общество; но с этим призывом он тоже обращался не ко всему буржуазно-помещичьему обществу, а только к правой его части, хотя среди его личных знакомых были кадеты. Пришел канун революции. Старый знакомый Кривошеина и Игнатьева кадет И. П. Демидов зовет только что оставившего министерский пост гр. Игнатьева работать в Земский союз, но любимец либералов Игнатьев кривит губы: «Не к лицу мне играть в оппозицию и творить шумиху», не хочется «играть роль чучелы или пугала в «общественных» руках»⁹⁴. Даже перед лицом грядущей революции, даже после опыта вынужденного сотрудничества — «мы» и «они».

Либералы не могли предложить спасительного для правящих классов выхода. И до мировой войны, и тем более во время войны реформы, которые они предлагали и которые царизм отвергал, не изменили бы принципиальной расстановки сил в стране и не остановили бы революцию. Но ведь поведение либералов — тоже симптом. Еще в довоенные годы Ленин писал: «Если десять Рябушинских и сто Милюковых ворчат и либерально негодуют, то это значит, что десятки миллионов мелких буржуа и всякого «мелкого люда» чувствуют себя невыносимо»⁹⁵. Каково же было этим миллионам в войну, когда даже Рябушинские и Милюковы кричали в голос (по мнению Игнатьева, «творили шумиху»)? «Нет больше глухих, как те, кто не хочет слышать, не хочет понимать»: Игнатьев написал это Кривошеину о царе. Но отворачивавшиеся от Николая II великосветские фронтеры могли бы сказать то же и о себе.

⁹¹ Игнатьев П. Н.— Кривошеину А. В. 1 января 1917 г. (ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, л. 33).

⁹² Речь 15, 17, I; 10.II.1917.

⁹³ Олефьев Д. А.— Николаю Михайловичу 29 января 1917 г. (ЦГАОР СССР, ф. 670, оп. 1, д. 370, лл. 2—3).

⁹⁴ Игнатьев П. Н.— Кривошеину А. В. 16—17 января 1917 г. (ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 274, лл. 39—43).

⁹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 21, с. 305.

Воинные поражения «расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок», озлобили против царизма «все классы населения»⁹⁶. Все, в том числе и дворянство. Оно не подвело, оно по-прежнему видело в сохранении монархии, по возможности полновластной, гарантию своего существования. Однако оно все меньше верило Николаю, особенно его окружению. Отсюда — великоеветская фронда, смыкавшаяся с действиями испуганной царской родни. Отсюда — «оппозиционные» выступления съезда объединенного дворянства и дворянских собраний на местах. А нежелание Николая и Александры прислушаться к недовольству тех, кто еще вчера был их самой верной и надежной опорой, усиливало самоизоляцию царизма. В сущности, и царская чета с ее поредевшим окружением, и дворянско-бюрократические верхи хотели одного: счасти устрои самодержавно-помещичьего строя. Но они по-разному оценивали путь к спасению. Николай и Александра видели его в попытке удержать все, как было, не поступаясь ни каплей своих «прав». Дворянские верхи теперь были готовы пожертвовать, кто частью царских прерогатив, кто Распутиным, а кто и Николаем, лишь бы сохранить монархический строй и свои привилегии. Своим фаталистическим упрямством царизм сам навязал дворянской верхушке роль «оппозиции». Но как же неуютно чувствовала она себя в этой роли! Перешибательные келейные увершения, неумелые, подчас велепые «демонстрации», вынужденный союз с думским «Прогрессивным блоком» при явном несочувствии организациям либералов и их лозунгам. Очевидная беспомощность светской оппозиции и ее противоестественный в глазах камарильи флирт с либералами сделали бесперспективными попытки оказывать воздействие на царя. Однако факт брожения даже в этой среде, шумные разоблачения того, что долго и тщательно пытались скрывать, убийство Распутина, судорожные поиски несуществующего выхода усиливали картину полного развала старого строя и вопреки желанию пытающихся заткнуть плотину перед рвущимся вперед потоком революции расширяли «трещину, в которую прорываются недовольство и возмущение угнетенных классов»⁹⁷. В Феврале час пробил. Возглавленный большевиками пролетариат вышел на улицы. «Телога залитой кровью и грязью романовской монархии»⁹⁸ опрокинулась, революция победила.

⁹⁶ Там же. Т. 31, с. 15.

⁹⁷ Там же. Т. 26, с. 218.

⁹⁸ Там же. Т. 31, с. 13.